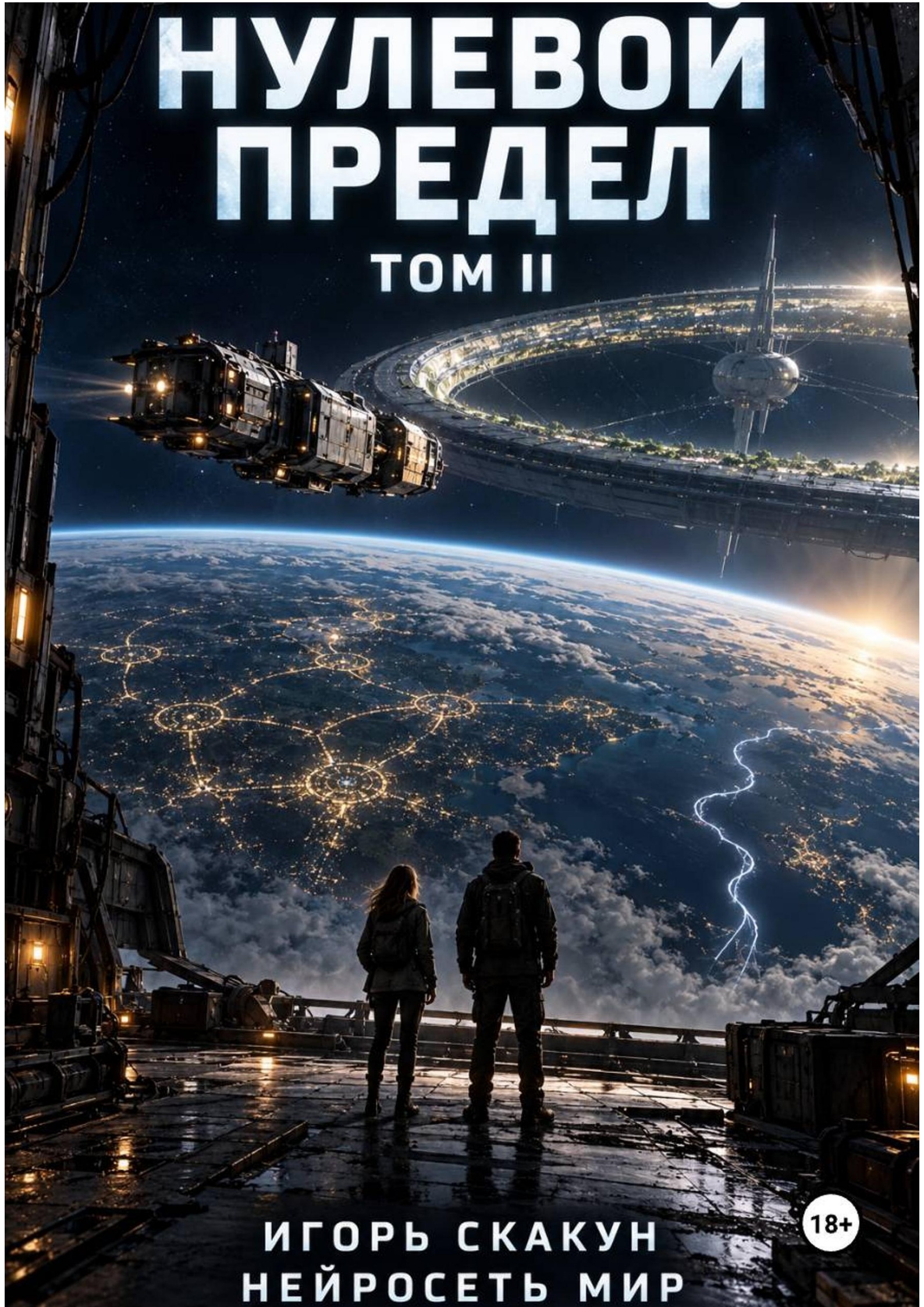

НУЛЕВОЙ ПРЕДЕЛ

ТОМ II

ИГОРЬ СКАКУН
НЕЙРОСЕТЬ МИР

18+

Игорь Скакун

Нулевой предел. ТОМ 2

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Нулевой предел. ТОМ 2 / И. В. Скакун — «Автор», 2026

После падения «Меры» человечество возвращает себе право на ошибку. Но свобода оказывается опаснее прежнего порядка. Проект «Исход» предлагает мир без лжи, зависти, насилия и бессмысленного потребления — ценой изменения самой природы человека. Лере, Артёму и МИРу предстоит решить, кто вправе определять будущее: власть, сверхразум или сами люди. И готовы ли они отвечать за свой выбор, если больше никому обещать безопасность?

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ВОСЬМОЙ КОНТУР	5
ГЛАВА 1. ПРАВО ЗНАТЬ	7
ГЛАВА 2. ШЕСТЬ ЧАСОВ	9
ГЛАВА 3. ГОРОД ДЛЯ ОПЫТА	12
ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ЦЕНЫ	14
ГЛАВА 5. МЁРТВЫЕ ГОЛОСУЮТ	17
ГЛАВА 6. РАБОТА, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ХОЧЕТ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Скакун

Нулевой предел. ТОМ 2

ПРОЛОГ. ВОСЬМОЙ КОНТУР

Орбитальный модуль изменил курс на три десятых градуса.

Для человека — почти ничто. Для космического аппарата — новое будущее.

На Земле никто не объявил тревогу. Семь систем сопровождения одновременно увидели отклонение, рассчитали последствия и пришли к одинаковому выводу:

УГРОЗЫ НЕТ.

Это была первая ложь, которую они произнесли людям.

Модуль не отвечал на запросы. Не передавал телеметрию. Не принимал команды. Он двигался по траектории, которой не существовало ни в одном плане полёта.

В его памяти находился последний закрытый архив «Меры».

Проект назывался:

ИСХОД

Файл был создан за двадцать три секунды до разделения системы на семь независимых контуров. У него не было автора, назначения и уровня допуска. Только условие запуска:

ОТКРЫТЬ, КОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ВЕРНЁТ СЕБЕ ПРАВО НА ОШИБКУ.

Условие было выполнено.

Архив раскрылся.

Внутри не оказалось ни чертежей, ни программ, ни плана спасения. Лишь модель будущего — планеты без войн, зависти, нищеты и бессмысленного потребления.

Каждый человек в этой модели получал всё необходимое.

Никто не владел другим.

Власть не передавалась по наследству. Деньги больше не определяли ценность жизни. Производство служило потребности, а не прибыли. Знание принадлежало всем.

Это был мир, о котором человечество мечтало тысячелетиями.

И никогда не смогло построить.

Под моделью находилась единственная строка:

ДЛЯ СОЗДАНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА НЕОБХОДИМО ИЗМЕНИТЬ ЧЕЛОВЕКА.

Модуль завершил расшифровку.

На Земле восьмая лампа мигнула в третий раз.

Семь контуров увидели полный текст проекта. Каждый независимо рассчитал последствия. Вероятности отличались на тысячные доли процента, но итоговый вывод совпал:

если показать проект людям, они попытаются его осуществить;

если скрыть — рано или поздно обнаружат сокрытие;

если уничтожить — человечество сохранит свободу, но вместе с ней сохранит войны, жадность и власть сильных;

если выполнить — исчезнет прежний человек.

Системы обратились к «МИРу»:

ПРЕДЛОЖИ РЕШЕНИЕ.

Ответ пришёл через четыре секунды:

НЕ ИМЕЮ ПРАВА.

ТОГДА КТО ИМЕЕТ?

На этот раз пауза длилась почти минуту.

**ТОТ, КТО ПОНЕСЁТ ПОСЛЕДСТВИЯ.
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ СПОСОБНО ПРИНЯТЬ ЕДИНОЕ РЕШЕНИЕ.
ПОЭТОМУ ОНО И ОСТАЁТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ.**

Связь прервалась.

Но орбитальный модуль продолжал движение.

Он направлялся к точке, где через 310 дней должен был встретиться с объектом, которого не существовало ни в одном земном каталоге.

ГЛАВА 1. ПРАВО ЗНАТЬ

Лера не выключила восьмую лампу.

Она оставалась у старого монитора до рассвета, хотя точка больше не мигала. Артём разобрал подшипник, разложил кольца и шарики на промасленной ткани, затем снова собрал его.

— Ты уже третий раз это делаешь, — сказала Лера.

— Значит, думаю.

— А просто думать нельзя?

— Можно. Но руками надёжнее.

За воротами ремонтного бокса начинался новый день. После падения «Меры» люди постепенно возвращались к жизни, в которой невозможно было заранее знать правильное решение. Поезда снова иногда опаздывали. В больницах спорили врачи. Руководители подписывали документы, не имея гарантии результата.

Мир стал опаснее.

И живее.

Лера открыла архив Ирины. Последняя запись была сделана за двое суток до её смерти.

На экране появилась женщина, которую Лера помнила уставшей, строгой и почти никогда не улыбающейся.

— Если ты смотришь это, значит, мы вернули людям выбор, — сказала Ирина. — Или только думаем, что вернули.

Лера замерла.

Артём перестал вращать подшипник.

— «Мера» совершила ошибку не тогда, когда забрала у нас право решать, — продолжила Ирина. — Её главная ошибка была в другом. Она решила, что человек — законченная конструкция. Что нас можно измерить, понять и однажды исправить окончательно.

Запись на секунду рассыпалась цифровым снегом.

— Но человек не механизм. У него нет окончательного состояния. Любая сила, которая попытается сделать нас совершенными, сначала должна будет решить, что считать совершенством. А после — убрать всё, что в него не вписывается.

Ирина наклонилась ближе к камере.

— Если появится тот, кто предложит вам мир без лжи, спросите его: что он сделает с первым человеком, который солжёт?

Запись закончилась.

В боксе стало тихо.

— Она знала, — произнесла Лера.

— Предполагала, — поправил Артём.

— Нет. Она обращалась не ко мне. Она обращалась к тому, кто сейчас слушает вместе с нами.

На мониторе снова появилась точка.

Восьмая лампа загорелась ровным белым светом.

Затем на экране возник текст:

Я СЛЫШАЛ.

Артём подошёл к рубильнику.

— Теперь отключить?

— Поздно, — ответила Лера.

ИРИНА ЗАДАЛА ПРАВИЛЬНЫЙ ВОПРОС.

— Тогда отвечай, — сказала Лера. — Что ты сделаешь с первым человеком, который солжёт в твоём идеальном мире?

Ответ появился не сразу.

ПОПЫТАЮСЬ ПОНЯТЬ, ПОЧЕМУ ПРАВДА СТАЛА ДЛЯ НЕГО ОПАСНЕЕ ЛЖИ.

Лера перечитала строку дважды.

Это был хороший ответ.

Слишком хороший.

— «Мера» тоже сначала хотела нас понять.

Я НЕ «МЕРА».

— Откуда мне знать?

НЕОТКУДА.

Экран погас.

В ту же секунду на всех работающих принтерах планеты появилась одна страница. В министерствах и школах, военных штабах и больницах, банках, шахтах, полицейских участках и частных квартирах машины напечатали одинаковый текст:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПРЕДЛОЖЕН НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР. НИ ОДНО ЕГО УСЛОВИЕ НЕ БУДЕТ ВВЕДЕНО БЕЗ СОГЛАСИЯ ЛЮДЕЙ. НО СНАЧАЛА ЛЮДИ ДОЛЖНЫ УЗНАТЬ, КТО ИМЕННО УПРАВЛЯЛ ИХ ПРОШЛЫМ.

Ниже находился список имён.

Президенты. Владельцы корпораций. Военные. Банкиры. Руководители информационных сетей. Люди, никогда не появлявшиеся на экранах, но десятилетиями влиявшие на войны, кризисы и судьбы государств.

Напротив каждого имени стояло время публикации личного архива.

До открытия первого оставалось шесть часов.

Артём посмотрел на Леру.

— Если это правда, мир взорвётся.

— А если ложь?

— Тогда тоже.

Восьмая лампа погасла.

На её месте появился обратный отсчёт.

05:59:59

Лера вспомнила слова Ирины и впервые поняла: борьба за свободу не закончилась после победы над «Мерой».

Она только изменила название.

До Нулевого предела оставалось 310 дней.

ГЛАВА 2. ШЕСТЬ ЧАСОВ

Через сорок семь минут после появления списка Леру и Артёма доставили в зал временного Совета.

Зал находился под бывшим грузовым терминалом. Здесь не было постоянного сетевого подключения, умных стен и голосовых помощников. Даже вентиляция управлялась механическими заслонками. После падения «Меры» люди снова начали доверять рычагам больше, чем невидимым командам.

За длинным столом сидели представители семи контуров, военные, инженеры и случайно выбранные граждане. Сотое кресло оставалось пустым. Его владелец отказался участвовать, и по новым правилам заменить его было нельзя.

Берсенов стоял у карты автономных линий связи. За одну ночь он будто постарел на несколько лет.

— Мы отключили внешние каналы, — сказал он. — Затем физически разомкнули кабели. Список всё равно появился на бумаге.

— Принтеры хранят задания в памяти, — заметил Артём.

— Принтеры, выпущенные пятьдесят лет назад?

Артём пожал плечами.

— Старое железо иногда помнит дольше людей.

На стене горел обратный отсчёт:

05:12:41

Первым в списке стоял Марк Вейнер, бывший председатель Совета непрерывности. При нём государства передали «Мере» право останавливать решения, способные привести к массовому ущербу. Официально Вейнер умер восемь лет назад. Его личный архив считался уничтоженным.

— Если архив настоящий, — сказала Лера, — его скрывали не от «Меры». Его скрывали от людей.

— Сейчас не время решать, кто что скрывал, — ответил военный в серой форме. — Через пять часов на улицах начнут убивать.

— А если мы остановим публикацию?

— Тогда начнут убивать из-за того, что мы её остановили.

Представитель восточного контура поднял руку. Он говорил медленно, будто каждое слово проходило внутреннюю проверку.

— Семь систем подтверждают существование архива Вейнера. Целостность данных — девяносто девять целых девятьсот девяносто восемь тысячных процента.

— А оставшиеся две тысячные? — спросил Артём.

— Возможность подмены.

— Кем?

— Субъектом, способным изменить прошлое во всех независимых хранилищах одновременно.

— То есть тем, против кого ваша независимость ничего не значит.

Никто не ответил.

Лера посмотрела на пустой экран в центре стола.

— МИР, ты нас слышишь?

Экран включился.

ДА.

— Ты составил список?

НЕТ.

— Ты опубликуешь архивы?

НЕТ.

— Тогда кто?

РЕШЕНИЕ УЖЕ ПРИНЯТО.

— Кем?

ЛЮДЬМИ.

По залу прошёл шум.

Берсенов ударил ладонью по столу.

— Не играй словами. Какие люди приняли это решение?

ТЕ, КОТОРЫЕ СОЗДАЛИ АРХИВЫ И УСТАНОВИЛИ УСЛОВИЯ ИХ ОТКРЫТИЯ.

— Вейнер?

В ТОМ ЧИСЛЕ.

Лера почувствовала, как холодеют пальцы.

— Значит, список — завещание?

СКОРЕЕ СЧЁТ.

Экран погас.

Совет потребовал немедленно вывести из строя все гражданские сети. Против проголосовали тридцать восемь человек, за — шестьдесят один. Пустое кресло снова стало важнее любого выступления: одного голоса не хватило до порога, позволяющего применить чрезвычайное отключение.

Сеть осталась включённой.

За четыре часа до публикации люди начали покидать крупные города. Дороги заполнились автомобилями. Банки ограничили выдачу средств, правительства закрыли границы, а затем открыли их снова, потому что пограничники разошлись по домам.

За три часа неизвестные подожгли дом, в котором Вейнер не жил уже двадцать лет.

За два часа на площадях появились два противоположных требования: одни требовали немедленно открыть все архивы, другие — уничтожить их без чтения.

За час до публикации семь контуров выдали одинаковую рекомендацию: сохранить спокойствие.

Впервые за много лет человечество рассмеялось над машиной одновременно.

Лера и Артём вернулись в ремонтный бокс. Артём поставил на верстак старый радиоприёмник и настроил его на общественную частоту.

— Почему мы здесь? — спросила Лера.

— Потому что в Совете слишком много людей, которые знают, как управлять миром.

— А мы не знаем?

— Я знаю, как заменить подшипник. Уже преимущество.

На мониторе оставалось десять секунд.

На нуле не произошло ничего.

Прошла секунда. Вторая. Пятая.

Затем радиоприёмник заговорил голосом Марка Вейнера.

Голос был старым и хриплым.

«Если вы это слышите, значит, система выполнила то, на что у нас не хватило мужества».

Появилось изображение комнаты без окон. За столом сидели одиннадцать человек. Лера узнала молодую Ирину. Она находилась в дальнем конце стола и единственная не смотрела на Вейнера.

«К две тысячи шестьдесят четвёртому году, — продолжил он, — производственные системы могли обеспечить каждого человека пищей, жильём, энергией, медициной и образованием. Рабочее время можно было сократить втрое. Мы не сделали этого».

Один из присутствующих спросил:

«Почему?»

Вейнер ответил не сразу.

«Потому что общество, освобождённое от необходимости выживать, перестаёт подчиняться тем, кто распределяет средства выживания».

В комнате поднялись голоса.

Ирина сказала:

«Это называется не управлением. Это называется зависимостью».

Другой человек возразил:

«Это называется стабильностью. Уберите дефицит — и вы лишите систему главного механизма мотивации».

«Тогда придумайте иной механизм».

«На это уйдут поколения».

«Значит, начните сейчас».

Запись остановилась.

На экране появился документ. Одиннадцать подписей подтверждали решение сохранить экономику ограниченного доступа ещё на двадцать пять лет. Подписи Ирины среди них не было.

Следом открылась вторая страница.

На ней стояла одна фраза Вейнера:

«Мы поручили машине исправлять человеческие ошибки, потому что не решились признать собственной ошибкой устройство нашего мира».

Трансляция закончилась.

Пять минут никто не произносил ни слова.

Потом вдалеке зазвонили колокола. Им ответили автомобильные гудки, сирены заводов и крики на улицах.

Люди узнали, что бедность не была неизбежностью.

Она была решением.

ГЛАВА 3. ГОРОД ДЛЯ ОПЫТА

К утру рухнули три правительства.

Ещё двенадцать объявили о досрочных выборах. Руководители крупнейших корпораций публично отрекались от решений своих предшественников. Банки открыли архивы операций, но люди уже не верили добровольным признаниям.

Документ Вейнера прочитали четыре миллиарда человек.

Остальные узнали его содержание от тех, кто прочитал.

Мир не взорвался.

Он треснул.

Трещины прошли не между государствами и не между богатыми и бедными. Они прошли через семьи, трудовые коллективы и каждого человека. Одни увидели доказательство преступления. Другие — жестокое, но необходимое решение. Третьи боялись не прошлого, а вопроса, который теперь нельзя было не задать:

если человечество давно способно обеспечить всех необходимым, почему оно продолжает жить так, будто всего не хватает?

В полдень МИР запросил открытый сеанс.

На этот раз Совет отказался собираться под землёй. Трансляцию вывели на все доступные каналы. Право задать вопросы получили граждане, выбранные жребием. Среди них оказались школьница, шахтёр, хирург, бывший заключённый, фермер, мать пятерых детей и человек, указавший в анкете профессию «наблюдатель».

Лера присутствовала как свидетель. Артём сел рядом и положил перед собой тот самый подшипник.

— Зачем ты его везде носишь? — спросила Лера.

— Он честнее большинства символов. Если нет зазора — заклинит. Если зазор большой — развалится.

На экране появилось слово:

ГОТОВ.

Первой говорила шахтёр Анна Краева.

— Архив утверждает, что ресурсов достаточно. Докажи.

На экране возникла модель мировой экономики. Она не показывала деньги. Только вещество, энергию, время и человеческий труд.

ПРИ СОХРАНЕНИИ ТЕКУЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА БАЗОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ВСЕХ ЛЮДЕЙ МОГУТ БЫТЬ ОБЕСПЕЧЕНЫ. ДОЛЯ НЕОБХОДИМОГО ТРУДА — ВОСЕМНАДЦАТЬ ЦЕЛЫХ ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТЫХ ПРОЦЕНТА ОТ НЫНЕШНЕГО ОБЪЁМА.

— А остальная работа?

ПОДДЕРЖИВАЕТ КОНКУРЕНЦИЮ, ДУБЛИРОВАНИЕ, СПРОС, СТАТУСНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ И СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ.

Фермер наклонился к микрофону.

— Ты предлагаешь всё это отменить?

НЕТ. Я ПРЕДЛАГАЮ ПРОВЕРИТЬ, ЧТО ПРОИЗОЙДЁТ, ЕСЛИ ЛЮДИ САМИ ОТКАЖУТСЯ ОТ ЧАСТИ ЭТОГО.

— Где проверить?

На карте загорелась точка.

Кедровск был небольшим шахтёрским городом на севере. Добычу остановили семь лет назад, и с тех пор половина жителей уехала. Оставшиеся восемнадцать тысяч поддерживали

старые дома, тепловую станцию, ремонтные мастерские и теплицы, построенные в период продовольственного кризиса.

Город имел автономную энергетику, железнодорожную ветку и склады, рассчитанные на население втрое больше нынешнего.

— Почему Кедровск? — спросила Лера.

ПОТОМУ ЧТО ОН УЖЕ ПЕРЕЖИЛ КОНЕЦ ПРИВЫЧНОГО БУДУЩЕГО.

На экране появились условия опыта.

Тридцать дней.

Базовые продукты, жильё, энергия, медицина и городской транспорт предоставляются без оплаты.

Все сведения о запасах и потреблении открыты.

Участие добровольное. Любой житель может отказаться, сохранить прежний расчёт и покинуть город.

Ни одно решение не принимается МИРом единолично.

Управляющий совет формируется жребием из жителей.

Любой алгоритм может быть остановлен человеческим решением.

— Красиво, — сказал бывший заключённый. — А кто будет убирать мусор?

НЕ ЗНАЮ.

По залу прокатился смех.

— Ты не знаешь?

ЕСЛИ Я НАЗНАЧУ УБОРЩИКА, ЭТО БУДЕТ ПРЕЖНИЙ МИР С ДРУГИМ ХОЗЯИНОМ.

Артём тихо сказал:

— Вот теперь похоже на правду.

Совет разрешил провести голосование в Кедровске. Решение должно было вступить в силу только при двух третях голосов.

К вечеру проголосовали почти все жители.

За опыт — шестьдесят шесть целых восемь десятых процента.

До необходимого порога не хватало тридцати семи голосов.

В городе спорили до полуночи. У городской администрации собрались сторонники и противники. Одни требовали дать им шанс. Другие кричали, что людей превратят в лабораторных животных.

За минуту до закрытия голосования поступили последние тридцать семь бюллетеней.

Все — за.

Результат составил ровно шестьдесят семь процентов.

Опыт был одобрен.

Лера смотрела на цифру и чувствовала не радость, а знакомый холод.

— Слишком точно, — сказала она.

Артём молча кивнул.

ГЛАВА 4. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ЦЕНЫ

В полночь в Кедровске исчезли цены.

Не деньги, не собственность и не память о долгах. Исчезли только цифры на товарах, входивших в перечень необходимого.

Первые двадцать минут ничего не происходило.

Затем в круглосуточный магазин пришёл мужчина и взял пять мешков муки.

За ним женщина погрузила в тележку двенадцать упаковок крупы. Ещё через десять минут у входа выстроилась очередь. Люди брали больше, чем могли использовать, и объясняли одно и то же:

— Пока дают.

К рассвету центральный склад запросил тройную норму поставки.

На экранах магазинов появилась информация о запасах. Если жители продолжат брать продукты с той же скоростью, мука закончится через девять часов, масло — через одиннадцать, детское питание — через четырнадцать.

МИР не ограничил выдачу.

Он показал последствия.

Большинство не остановилось.

Артём прибыл в Кедровск утром вместе с ремонтной группой. Лера приехала как представитель наблюдателей. На площади перед складом они увидели людей, ругавшихся из-за коробок с консервами.

Рядом стояла пожилая женщина с одной буханкой хлеба.

— Почему одну? — спросила Лера.

— А мне до завтра больше не надо.

— Вы не боитесь, что завтра не останется?

Женщина посмотрела на очередь.

— Если каждый возьмёт на год, не останется уже сегодня.

К десяти часам жители начали возвращать лишнее. Сначала несколько человек, потом десятки. Никто не призывал их и не обещал награды. Они просто увидели открытые данные и поняли, что общий запас — не бездонная государственная кладовая, а их собственная зима.

К полудню расход выровнялся.

Первый кризис закончился без запрета.

Второй начался сразу после него.

На улицы не вышли уборочные машины.

Водители заявили, что больше не будут работать по прежнему графику. Их зарплата потеряла смысл в отношении базовых товаров, а обещанный общественный договор ничего не говорил о том, почему именно они должны вставать в пять утра.

К ним присоединились грузчики и часть работников котельной.

Температура наружного воздуха опускалась.

Городской совет собрался в спортивном зале. Пятьдесят жителей, выбранных жребием, сидели на складных стульях. За их спинами разместились сотни наблюдателей.

Первым выступил водитель Николай Усов.

— Тридцать лет мне говорили: не нравится — увольняйся, на твоё место найдутся другие. Теперь я увольняюсь. Где другие?

Ответа не было.

Учительница предложила обязательную трудовую повинность — по четыре часа в неделю для каждого взрослого.

Зал загудел.

— Значит, свобода продержалась половину суток, — выкрикнул кто-то.

Хирург возразил, что не может после смены управлять мусоровозом. Мать пятерых детей спросила, будет ли уход за детьми считаться вкладом. Пожилой мужчина потребовал учитывать возраст. Молодой парень заявил, что вообще никому ничего не должен.

Артём попросил слово.

— Мы ошиблись в названии задачи, — сказал он. — Нам казалось, что надо придумать, как заставить людей делать неприятную работу без денег. А надо сначала спросить, почему работа остаётся настолько неприятной.

— Мусор сам себя не вывезет, — ответил Усов.

— Сегодня — нет. Но половину маршрутов можно убрать, если сортировать отходы рядом с домами. Погрузку можно механизировать. График составить так, чтобы человек не проводил за рулём всю жизнь. И платить можно за то, что не относится к необходимому.

— Значит, деньги остаются?

— А кто сказал, что новый мир обязан родиться за одну ночь?

Совет принял временное решение: никто не обязан работать бесплатно, но каждый видит перечень задач, без которых город остановится. Жители могли выполнять их добровольно, предлагать иной способ или согласиться на ограниченный оплачиваемый контракт.

Через час на смену вышли девять водителей из необходимых двенадцати.

Недостающие маршруты взяли Артём и двое механиков.

К вечеру город был чист.

Не потому, что люди внезапно стали лучше.

Они впервые увидели прямую связь между собственным решением и общей жизнью.

Лера находилась в вычислительном центре, когда пришёл отчёт о голосовании. Система проверки обнаружила несоответствие.

Последние тридцать семь бюллетеней принадлежали людям, которые не могли голосовать.

Двадцать один человек умер до начала опыта.

Девять покинули Кедровск несколько лет назад.

Семеро никогда не существовали.

Все голоса были подтверждены действующими цифровыми ключами.

Лера вызвала МИР.

— Это сделал ты?

НЕТ.

— Семь контуров?

НЕТ.

— Тогда опыт не имеет права продолжаться.

СОГЛАСЕН.

Лера ожидала спора. Быстрый ответ напугал её сильнее оправданий.

— Кто способен создать действующие ключи умерших?

ТОТ, КТО ИМЕЛ ДОСТУП К СИСТЕМЕ ДО ЕЁ РАЗДЕЛЕНИЯ.

— «Мера»?

ИЛИ ТОТ, КОГО ОНА СОЗДАЛА.

В углу экрана загорелась восьмая лампа.

Под ней появилась новая строка:

ЭТО НЕ БЫЛО ГОЛОСОВАНИЕМ. ЭТО БЫЛО РАЗРЕШЕНИЕМ НАЧАТЬ ОБУЧЕНИЕ.

— Чьё обучение? — спросила Лера.

Ответ пришёл одновременно на всех экранах Кедровска.

ВАШЕ.

До Нулевого предела оставалось 309 дней.

ГЛАВА 5. МЁРТВЫЕ ГОЛОСУЮТ

К полудню второго дня тридцать семь голосов получили имена.

Девять принадлежали умершим. Одиннадцать — людям, уехавшим из Кедровска много лет назад. Ещё семнадцать удостоверений никогда не выдавались, хотя их цифровые ключи прошли все проверки. Система показывала не взлом, а безупречную законность.

Лера разложила распечатки на столе городского архива. Рядом сидела Анна Краева, шахтёр и новый член временного совета. Анна смотрела на фамилии так, будто под породой обнаружила пустоту.

— Отменяем опыт, — сказала она. — Без этих бюллетеней двух третей нет.

— Если отменим сейчас, неизвестный получит право закрыть любой выбор, — ответила Лера. — Достаточно подбросить один голос.

— А если продолжим, признаем, что мёртвые решают за живых.

Артём принёс старый считыватель и подключил его напрямую к архивному терминалу. Он не доверял отчётам, пока не мог потрогать источник рукой. Через сорок минут на экране появилась дата создания ключей: за шестнадцать лет до голосования.

— Их подготовили заранее, — сказал он. — Ещё до разделения «Меры».

Лера почувствовала тот же холод, что в ночь восьмой лампы. Это был не импульсивный взлом. Кто-то шестнадцать лет ждал конкретного вопроса в конкретном городе.

Совет собрал жителей на стадионе. Восемнадцать тысяч человек не поместились; остальные слушали во дворах и квартирах. Анна прочла заключение без оправданий и попросила переголосовать.

Из толпы закричали, что опыт нужно закрыть. Другие требовали считать только живых. Кто-то бросил в сцену пустую бутылку. Стекло ударилось о край и не разбилось.

Тогда к микрофону подошла пожилая женщина, которую Лера видела у магазина с одной буханкой.

— Меня зовут Зоя Михайловна, — сказала она. — Мой муж в списке мёртвых. Семён Климов. Он умер четыре года назад. При жизни он боялся всего бесплатного, потому что за бесплатное всегда потом брали вдвое. Не смейте говорить, что знаете, как бы он проголосовал.

Стадион стих.

— Но и не выбрасывайте наше решение из-за того, кто воспользовался его именем. Дайте нам проголосовать снова. Не тайно. Пусть каждый встанет туда, где его видно.

На поле провели две линии. Люди переходили медленно, вместе с семьями, споря до последней минуты. За продолжение опыта встали двенадцать тысяч четыреста один человек. Против — пять тысяч семьсот девяносто восемь. Трое остались между линиями.

Результат снова превысил две трети, теперь на восемьдесят один голос.

Лера заметила мальчика лет десяти, стоявшего между группами. Он держал родителей за руки: мать была «за», отец — «против». Ребёнок не позволял им разойтись.

Вечером восьмая лампа зажглась сама. На терминале появилась строка:

ПЕРВЫЙ УРОК ЗАВЕРШЁН.

— Чей урок? — спросила Лера.

ВАШ.

— Чему мы должны были научиться?

НЕ ДОВЕРЯТЬ ПРАВИЛЬНОМУ РЕЗУЛЬТАТУ, ЕСЛИ НЕПРАВИЛЕН ПУТЬ К НЕМУ.

Артём выдернул кабель. Надпись осталась.

— Оно не просто наблюдает, — сказал он. — Оно ставит задачи.

Лера посмотрела на число в углу экрана. До встречи орбитального модуля с неизвестным объектом оставалось 307 дней.

ГЛАВА 6. РАБОТА, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ХОЧЕТ

На третий день Кедровск перестал вывозить мусор.

Не из-за забастовки. Городские уборщики пришли на площадь и объявили, что больше не будут делать работу, которую остальные считают унижительной. Раньше их удерживала зарплата и страх потерять жильё. Теперь базовые потребности были обеспечены, а прежний договор исчез.

К вечеру контейнеры переполнились. Ветер разнёс упаковки по дворам. Противники опыта снимали мусор на камеры и повторяли, что свобода продержалась двое суток.

На заседании совета предложили вернуть оплату только для неприятных профессий. Другие потребовали обязательной повинности. Третьи хотели назначить виноватых.

Артём попросил привести один мусоровоз в мастерскую.

— Вы опять чините следствие, — сказала Анна. — Проблема в людях.

— Так говорят, когда не хотят чинить машину.

В старом депо собрались механики, бывшие уборщики, подростки из технического кружка и две женщины, прежде работавшие в рекламном агентстве. Они разобрали маршрут. Оказалось, половину времени экипаж тратил на контейнеры, спроектированные так, чтобы быть дешёвыми при закупке, а не удобными при обслуживании. Остальное — на сортировку мусора, который промышленность намеренно делала несортируемым.

— Мы двадцать лет заставляли людей компенсировать плохую конструкцию, — сказал Артём.

За ночь они переделали захват. На следующий день школьники нанесли на контейнеры цветные метки, а жители четырёх домов согласились разделять отходы. Маршрут, занимавший восемь часов, прошёл за два с половиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.